

Моей «девушке с хлопушкой»

*С благодарностью
Сос Элтис, Клэр Александер,
Дэну Франклину и Биллу Томасу*

Все началось с примерки черного костюма в универмаге «Алдерс», незадолго до похорон Боба Грина. Джорджа выбили из колеи не похороны. И не смерть приятеля. Если честно, он всегда находил благодушное панибратство Боба несколько утомительным и втайне радовался, что не придется больше играть с ним в сквош. Кроме того, Боб скончался от сердечного приступа за просмотром лодочной регаты по телевизору, и это казалось Джорджу по-своему утешительным. Когда Сьюзан вернулась от сестры, муж спокойно лежал на ковре в гостиной, прикрыв глаза рукой, и она сперва подумала, что тот просто задремал.

Наверное, Бобу было больно. Однако с болью можно справиться. Выделяются эндорфины, и вся жизнь проносится перед глазами. Джордж испытал подобное несколько лет назад, когда, свалившись со стремянки, ударился локтем об острый камень на альпийской горке и потерял сознание — чувство, не лишенное приятности. Особенно ярко запомнился ему вид с моста через реку Тамар в Плимуте. Люди, испытавшие клиническую смерть, рассказывают о светящемся белом туннеле. Многие из них слышали зов ангелов, а придя в чувство, видели стоящего перед собой врача с дефибрилятором.

И — пустота. Конец. Разумеется, Боб ушел слишком рано — всего шестьдесят один год. Что и говорить, тя-

жело придется Сьюзан и мальчикам, хотя теперь, когда никто не затыкает ей рот, она прямо расцвела. А в принципе, легкая смерть.

Опухоль — вот что напугало Джорджа. Сняв брюки перед примеркой, он вдруг заметил на передней поверхности бедра небольшое овальное пятно, чуть темнее остальной кожи, припухшее и слегка шелушащееся. К горлу подступила противная отрыжка, которую пришлось проглотить.

Рак. В последний раз Джордж испытал подобный страх несколько лет назад, когда опрокинулась моторка Джона Зиневски: он упал в воду и запутался ногой в веревке. Но тогда ужас длился три-четыре секунды. А теперь — никто не поможет ему выправить лодку. Придется покончить с собой. Мысль неутешительная, однако намерение вполне реалистичное. Ему стало чуточку легче. Только каким именно образом?

Прыгнуть с крыши многоэтажного здания — суший кошмар. Пока перелезешь через парапет, сто раз передумаешь... И без того страшно. Чтобы повеситься, нужно соорудить специальное приспособление. Огнестрельного оружия нет. Если хорошенько напиться, то у него, пожалуй, хватит духу разбить машину. На шоссе А16, на въезде в Стэмфорд, есть подходящая каменная стена. Разогнаться и врезаться в нее со всей дури — что может быть проще?

А вдруг нервы не выдержат? Вдруг он будет слишком пьян, чтобы вести машину? Или кто-то выскочит навстречу? Хорошенькая перспектива — убить ни в чем не повинных людей, остаться парализованным и умереть от рака в тюрьме в инвалидном кресле!

— Простите, сэр, вы не хотите вернуться в магазин?

Джордж сначала не понял, чего ждет от него рыжеволосый паренек в синей форме на пару размеров больше, и лишь через несколько секунд сообразил, что сидит, сгорбившись, на вымощенных плиткой ступеньках.

— Сэр, — не унимался охранник.

Джордж встал.

— Извините, пожалуйста.

— Вас не затруднит пройти в магазин?

Опустив взгляд, Джордж понял, что до сих пор одет в брюки от костюма, а ширинка не застегнута, и быстро исправил оплошность.

— Да, разумеется.

Чувствуя за спиной дыхание охранника, он двинулся мимо сумочек и парфюмов к отделу мужской одежды.

— Сам не понимаю, что на меня нашло.

— Боюсь, вам придется обсудить это с заведующим, сэр.

Преследовавшие Джорджа черные мысли отошли на задний план. Его пошатывало, как от потери крови, но, учитывая обстоятельства, держался он вполне сносно.

Заведующий отделом стоял возле полки с тапочками, сложив руки на животе.

— Спасибо, Джон.

Почтительно кивнув, охранник развернулся на сто восемьдесят градусов и ушел.

— Итак, мистер...

— Холл. Джордж Холл. Извините, я...

— Давайте лучше поговорим в кабинете, — предложил заведующий.

К ним подошла продавщица с брюками Джорджа.

— Они висели в примерочной. Бумажник в кармане.

— У меня что-то вроде провала в памяти, — поспешно сказал Джордж. — Я не хотел ничего плохого.

Радость человеческого общения. Тебе что-то говорят. Ты отвечаешь. Размеренное тиканье беседы. До вечера бы так разговаривал.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Женщина взяла его под локоть и усадила в кресло — самое прочное, удобное и надежное на свете.

Перед глазами все плыло. Затем у него в руках появилась чашка чаю.

— Спасибо.

Не самый хороший чай, зато горячий, в настоящей фарфоровой чашке, которую приятно держать в руках.

— Вызвать вам такси?

«Да, лучше всего вернуться домой, а костюм куплю в другой раз», — подумал он.

2

Он решил не рассказывать о происшествии Джин: та начнет допытываться, как и что. Джордж считал, люди и без того слишком много болтают. Стоит только включить телевизор, как наткнешься на подробности чьего-то усыновления или исповедь какой-нибудь несчастной, проткнувшей ножом своего мужа. В принципе, он ничего не имел против разговоров. Беседа — одно из немногих жизненных удовольствий. Каждому случается за кружкой пива высказаться о коллеге, недостаточно часто принимающем душ, или о сыне-подростке, который приполз домой под утро мертвецки пьяным и наблевал в собачью миску. Однако толку что?

По мнению Джорджа, секрет довольства жизнью состоял в том, чтобы многого не замечать. Он не понимал, как можно работать десять лет в одном офисе или воспитывать детей, не закрывая глаза на определенные вещи. А что касается последнего круга, когда у тебя выпадут зубы и понадобятся памперсы, то потеря памяти — и вовсе счастье.

Он сказал Джин, что ничего не нашел в «Алдерсе» и поедет в город в понедельник, когда там не будет такого столпотворения. Поднялся в ванную и заклеил опухоль пластырем.

Спокойно проспав почти всю ночь, Джордж проснулся под утро — оттого, что Рональд Берроуз, давно усопший учитель географии, заклеил ему рот липкой

лентой и вонзил в грудную клетку острый железный прут. Как ни странно, больше всего Джорджа огорчил запах — вонь плохо вымытого общественного туалета, куда недавно ходил человек с расстройством желудка; и запах этот, отвратительный и резкий, исходил из раны в его собственной груди.

Джордж остановил взгляд на люстре и долго ждал, когда замедлится сердцебиение, — как человек, вытасченный из горящего здания, не в силах поверить, что опасность миновала.

Шесть часов. Он вылез из постели и спустился в кухню. Положил в тостер два кусочка хлеба и достал гейзерную кофеварку — рождественский подарок Джейми. Они держали этот замысловатый прибор на виду по дипломатическим соображениям, но сейчас ему было приятно проводить все манипуляции: наливать воду в нижний отсек, насыпать кофе, ставить резиновый уплотнитель и скручивать вместе верхнюю и нижнюю части. Устройство чем-то напоминало паровой двигатель Гарета, с которым Джорджу разрешили поиграть в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, во время печально известной поездки в Пул. Куда приятнее, чем ждать, пока закипит чайник, рассматривая деревья в дальнем углу сада. Под металлическим основанием кофеварки дышало голубое пламя. Домашняя вылазка на природу. Маленькое приключение. Из тостера выпрыгнул поджаренный кусочек хлеба. В тот уик-энд Гарет поджег лягушку. Как странно, что какие-то пять минут августовского дня могут вмещать целую жизнь.

Джордж намазал тост маслом и джемом, налил кофе в чашку и попробовал. Напиток получился чудовищно крепким. Он лил молоко, пока жидкость не приобрела темно-шоколадный цвет, затем сел за стол и раскрыл журнал Королевского института британских архитекторов, забытый Джейми.

Дом «Азман и Оуэнс». Деревянные жалюзи, раздвижные стеклянные двери, обеденные стулья «Баухаус», одинокая ваза с белыми лилиями на столе. Боже правый! Иной раз хочется увидеть на интерьерном снимке пару скомканных мужских трусов.

«Высокочастотные электрические вибрации с постоянной амплитудой предназначены для уплотнения, минимизации пустот и достижения однородности...»

Дом походил на бункер. Почему нынешние архитекторы так любят бетон? Неужели через пять сотен лет люди будут стоять под мостами и любоваться пятнами? Отложив журнал, Джордж взялся за кроссворд в «Телеграф». Наносекунда. Византия. Челка.

В половине восьмого появилась Джин в сиреневом махровом халате.

— Не спится?

— Проснулся в шесть, больше не смог уснуть.

— Вижу, ты решил испытать эту штуку?

— Между прочим, отличный кофе, — ответил Джордж, хотя от избытка кофеина у него начали дрожать руки и появилось тревожное чувство, что вот-вот случится что-то плохое.

— Что будешь на завтрак? Или ты тут с шести утра пируешь?

— Я бы выпил стакан яблочного сока. Спасибо.

Бывало, по утрам он смотрел на эту располневшую, стареющую женщину чуть ли не с отвращением — всклокоченные волосы, двойной подбородок... Однако в моменты, подобные этому... Наверное, «любовь» — не самое подходящее слово, хотя пару месяцев назад, в той гостинице в Блейкни, они, к обоюдному удивлению, проснулись одновременно и жадно набросились друг на друга, даже не почистив зубы.

Джордж положил руку ей на талию, а она ласково потрепала его по волосам, как собаку. Порой он завидовал собакам.

— Совсем забыла, — отстранилась Джин, — вечером звонила Кэти, они сегодня приедут на ланч.

— Они?

— Ну, да, с Джейкобом и Рэем. Кэти хочет вырваться из Лондона на денек.

Черт, этого еще не хватало!

Жена засунула голову в холодильник и пробормотала оттуда:

— Постарайся держать себя в руках.

3

Джин мыла полосатые чашки и ставила их на полку. Через несколько минут спустился Джордж в рабочей одежде и побрел к своим кирпичам, не обращая внимания на мелкий дождь.

Втайне она гордилась мужем. Вот супруг Полины, получив графин с дарственной надписью, сразу покатился по наклонной. Не прошло и двух месяцев после выхода на пенсию, как он завел привычку валяться на лужайке в три часа ночи, осушив бутылку виски, и лаять по-собачьи.

Когда Джордж сообщил, что хочет строить студию, ей сразу вспомнилась детская затея Джейми сконструировать ловушку для поимки Санта-Клауса. Однако студия — вот она, стоит в дальнем конце лужайки: фундамент, пять рядов кирпича, оконные рамы, накрытые голубой защитной пленкой.

Не важно, сколько мужчине лет — семь или пятьдесят семь. Ему необходимы свершения. Приносить в пещеру добычу, делать открытия. Плотный обед, двадцать минут подвижных игр и золотые звезды — чтобы они знали: их подвиги не остались незамеченными.

Джин раскрутила кофеварку, из которой вывалилась на сушилку черная гуща.

— Черт!

Достала из шкафчика салфетку. Послушать, как мужья говорят о пенсии — можно подумать, из Вьетнама вернулись. О женах никто не думает. Любовь любовью, но тридцать пять лет дом был в твоём распоряжении, и вдруг в него вторгается... ну, не то чтобы чужой человек...

Работая по утрам в начальной школе и пару раз в неделю — в книжном магазине «Оттакар» в городе, Джин по-прежнему могла видеться с Дэвидом — Джордж ничего не замечал. Но когда муж работал, ложь казалась менее значительной. Теперь он обедал дома каждый божий день, и выкраивать время для встреч с Дэвидом стало сложнее. К счастью, Джордж любил одиночество, и его не интересовало, чем она занимается вне дома. Это все упрощало. Уменьшало вину. Или её отсутствие.

Джин сполоснула салфетку, выжала воду и повесила на кран. Может, не надо было звать Кэти на ланч? Джордж с Рэем будут подчеркнута вежливыми, хотя на самом деле им хочется вцепиться друг другу в глотку.

Джордж — достойный человек. Никогда не напибался. Ни разу не поднял руку на неё или детей. Редко повышал голос. Буквально на прошлой неделе уронил на ногу тяжелый разводной ключ и даже не выругался. Просто закрыл глаза, напряг спину и сосредоточился, как будто старался расслышать кого-то вдалеке. И всего один штраф за превышение скорости. Наверное, в этом все и дело.

Джин вспомнила, как завидовала Кэти, когда та стала встречаться с Грэмом — такие дружеские, равноправные отношения. А разве можно забыть лицо мужа как-то за ужином, когда в разговоре о родах Грэм употребил слово «клитор». Джордж так и застыл, не донеся до открытого рта вилку с ветчиной.

В том-то и беда с равноправием. В один прекрасный день Грэм просто ушел, оставив Кэти с Джейкобом.

Джордж на такое не способен. И насчет Рэя он прав. Ее тоже не слишком радовала перспектива совместного ланча. Слава богу, хоть Джейми не приедет. Когда-нибудь он назовет Рэя «мистером Картошкой» — при Кэти, а то и прямо в лицо, и будут жертвы.

У Рэя коэффициент интеллекта в два раза ниже, чем у Кэти: как он смеет называть ее «чудесной малышкой»? Правда, в прошлый приезд он починил газонокосилку, хотя на Джорджа это не произвело никакого впечатления. Зато Рэй надежный. Кэти сейчас нужен именно такой мужчина. Способный ее оценить, с хорошей зарплатой, толстокожий. Впрочем, это совсем не значит, что надо выходить за него замуж.

4

Джордж налил в емкость цементного раствора и проверил мастерком, нет ли комков. Смазав кирпич смесью, поставил на место и легонько подвигал, чтобы сел по уровню.

Страх полетов... Сначала его не слишком беспокоили короткие тряские перелеты на Пальму или в Лиссабон. Запоминались только противный сыр, упакованный в целлофан, и рычание унитаза, когда открываешь его в стратосфере. А в семьдесят девятом году самолет, на котором они возвращались из Лиона, три раза проходил обработку против обледенения. Сначала он заметил, что все в зале отлетов, как нарочно, выводят его из себя: Кэти тренировалась стоять на руках, Джин после объявления посадки побежала в дююти-фри, парень, сидящий напротив, гладил свои слишком длинные волосы, как кошку...

В самолете у него сдавило грудь от душного, насыщенного какой-то химией воздуха. И лишь когда они выкатились на взлетную полосу, Джордж понял, что са-